

На уроке Бай Хаожань подпёр подбородок рукой и, скучая, слушал объяснения преподавателя. Повернув голову, он посмотрел через окно на школьный стадион, где группа парней играла в баскетбол. Бай Хаожань с интересом наблюдал за ними, но, заметив Лэн Цзюньчжэ, помрачнел и тут же отвернулся.

Если он не ошибся, на трибунах сидел тот самый Лю Юэ — возлюбленный Лэн Цзюньчжэ. Если бы Бай Хаожань не знал всей их подноготной, он бы даже мог позавидовать этой паре, но сейчас всё это вызывало лишь отвращение.

В обеденный перерыв ученики хлынули в столовую, и Бай Хаожань, следуя привычке, стал вести себя так, как раньше вёл себя Ань Цзысинь. Ань Цзысинь был простым и послушным парнем, в нём не было той изворотливости, что отличала Лэн Цзюньчжэ и его окружение, он просто не умел плести интриги.

Бай Хаожань знал, почему в своё время Лэн Цзюньчжэ выбрал именно его: он был похож на подругу детства молодого господина Лэна, а если точнее — на девочку, которая тому нравилась.

Много лет назад они вместе были в роли детей, разбрасывающих цветы на свадьбе. С того дня молодой господин Лэн постоянно искал ту девочку, чтобы поиграть, и даже громогласно заявлял, что, когда вырастет, обязательно возьмёт её в жёны. Но спустя недолгое время девочка заболела лейкемией, её волосы постепенно выпали, и она стала выглядеть совсем как мальчик.

Молодой господин Лэн каждый день навещал её, скрашивая последние дни её жизни. После того случая он стал холодным, отстранённым и перестал улыбаться.

В детстве братья Лэн Цзюньчжэ и Лэн Хуньи были не разлей вода. Лэн Цзюньчжэ вечно докучал старшему брату, и хотя тот всегда сохранял невозмутимый вид, Лэн Цзюньчжэ помнил, как брат несколько раз спасал ему жизнь, и всегда старался отдать лучшее Лэн Хуньи. Но с годами всё изменилось.

Возможно, из-за влияния семьи, где его с самого детства баловали как младшего наследника, Лэн Цзюньчжэ привык считать, что всё самое лучшее должно принадлежать ему по праву. И, несмотря на тёплые отношения с братом, он не смог совладать с собственной жадностью.

Именно из-за этого склада ума, услышав объявление деда, Лэн Цзюньчжэ вспомнил фотографию, стоявшую у кровати его старшего брата. Человека на снимке он видел на старой школьной фотографии Лю Юэ, и именно в тот момент у него созрел коварный план.

Бай Хаожань мысленно проклинал Лэн Цзюньчжэ за его неблагодарность и чёрную душу. Он был настоящим неблагодарным псом, и всё то добро, что сделал для него брат в детстве, оказалось потраченным впустую.

Взяв поднос с едой, он стал искать свободное место. Заметив, что Лэн Хунъи сидит один в углу, он решительно направился к нему. Раз уж он понял, что это его возлюбленный, то не упустит ни единого шанса сблизиться с ним, даже если прослышет в глазах окружающих помешанным фанатом.

Всё верно, именно фанатом. Это была мужская академия, поэтому однополые отношения здесь никого не удивляли. Лэн Хунъи был не только красив, богат и успешен в учёбе, но и занимал пост президента студенческого совета — это был настоящий гибрид отличника и богатого наследника!

Нетрудно догадаться, сколько парней сохло по нему. Даже ученицы соседней женской академии наслышались о его славе и ежедневно караулили у ворот, просто чтобы хоть мельком взглянуть на его лицо.

Что и говорить, мир, в котором всё решает внешность.

Бай Хаожань почувствовал укол ревности. С какой стати его муж должен ежедневно красоваться перед ними? Ещё один взгляд — и придётся взимать плату, и цена за возможность полюбоваться им будет баснословной!

Лэн Хунъи почувствовал, как на него упала тень. Подняв голову, он увидел парня, который уселся прямо напротив. С тех пор как он поступил в академию, это был первый смельчак, осмелившийся так бесцеремонно занять место за его столом.

Окружающие уже начали мысленно молиться за Бай Хаожаня, ведь все знали: молодой господин Лэн не терпит близости, особенно от тех, у кого есть скрытые цели.

Когда Лэн Хунъи увидел лицо Бай Хаожаня, его дыхание сбилось, зрачки сузились, и он с недоверием спросил: Сяо-Сяо?

Какая тебе ещё Сяо-Сяо, я твоя законная жена, кого ты там зовёшь?! Бай Хаожань невозмутимо закатил глаза, а затем, подняв голову, смущённо произнёс: Простите, свободных мест больше нет, можно я присяду с вами?

Ты ведь уже сел, разве тебе не совестно спрашивать?! — негодовали зрители.

Можно, — Лэн Хунъи всё ещё не мог прийти в себя. Этот парень был так похож на Сяо-Сяо. Но он знал, что это не она, ведь Сяо-Сяо была девочкой, как она могла стать парнем? Он насмешливо улыбнулся самому себе и, опустив голову, продолжил есть.

Глядя на его печальное лицо, Бай Хаожань так и хотел выкрикнуть ему на ухо: Твоя жена ревнует! И последствия будут серьёзными!

Окружающие, не увидев ожидаемой сцены, с удивлением посмотрели на Бай Хаожаня. Некоторые втайне досадовали, почему сами раньше не догадались набраться наглости и сесть рядом с молодым господином Лэном, и теперь могли лишь стиснув зубы завидовать этому парню.

Как тебя зовут? — в конце концов не выдержал Лэн Хунъи.

Услышав голос молодого господина Лэна, все вокруг наострили уши, затаив дыхание.

Бай Хаожань отложил палочки, застенчиво улыбнулся и ответил: Меня зовут Ань Цзысинь. Ань — как в слове спокойствие, Цзы — как сын, Синь — как тяжелый труд.

Выслушав его, Лэн Хунъи лишь слегка кивнул и больше не проронил ни слова. Закончив трапезу, он ушёл. Бай Хаожань внешне никак не показал своих чувств и продолжил есть, но в душе у него было ужасно пусто. Как же горько осознавать, что человек, которого ты любишь, даже не обернувшись, уходит, не сказав ни слова.

Вечером после занятий Бай Хаожань вернулся на машине в тот самый особняк. Увидев ярко освещённый дом, он понял, что тот человек уже вернулся. Бай Хаожань с дрожью в сердце вошёл внутрь, увидел Лэн Цзюньчжэ, развалившегося на диване, и, крепче сжав ремешки рюкзака, осторожно шагнул в гостиную.

Лэн Цзюньчжэ, пуская дым сигареты, искоса взглянул на него. Закинув ноги на журнальный столик, он медленно произнёс: Почему сегодня так поздно?— Я... я... — Бай Хаожань нервно заикался, опустив голову и не смея поднять на него взгляд.

— Довольно, — нетерпеливо оборвал его Лэн Цзюньчжэ. Он слегка приподнял подбородок и бросил: — Сначала иди готовь.

— Хорошо, хорошо. — Бай Хаожань поспешно отложил сумку и убежал на кухню. Как только дверь закрылась, его осторожное, полное тревоги выражение лица мгновенно исчезло. Он цокнул языком, пробормотав про себя: Всё именно так, как я и ожидал.

В такой ответственный момент он не хотел, чтобы его тщательно продуманный план провалился, но именно благодаря этому Лэн Цзюньчжэ чувствовал себя в безопасности. Иначе трудно было бы представить, что этот человек мог бы натворить.

После ужина Лэн Цзюньчжэ направился в кабинет на втором этаже, бросив на ходу:

— Зайди ко мне в кабинет через минуту.

— О-о, хорошо! — Бай Хаожань послушно кивнул. Он бережно собрал со стола посуду и унёс на кухню, на его губах играла улыбка. План начал приводиться в исполнение, а это означало, что

завтра он уже сможет отправиться на поиски своего возлюбленного.

Раньше это было нужно по сюжету, но после этой ночи — больше нет. Пришло время менять историю. Лэн Цзюньчжэ, ты должен дожидаться меня!

Закончив со всеми делами, Бай Хаожань вытер руки и шаг за шагом поднялся на второй этаж. Он знал, что Лэн Цзюньчжэ ждёт его. Чтобы не вызвать подозрений, он шёл в кабинет, робко семеня ногами — этот участок коридора просматривался камерами, и ему нужно было хорошенько сыграть свою роль.

Когда он ступил на порог, на его губах играла застенчивая и покорная улыбка, а движения казались неловкими и скованными. Он хотел, чтобы Лэн Цзюньчжэ, наблюдающий через мониторы, видел: Ань Цзысинь — всё тот же послушный раб, которого он держит при себе.

Лэн Цзюньчжэ, глядя на экран, нахмурился. Он предполагал такой исход и даже заложил его в свой план, но, увидев это воочию, почувствовал нечто противоречивое.

Взгляд этих глаз, полных девичьей застенчивости, заставил его сердце пропустить удар. Он тут же сжал кулаки, подавляя внезапный порыв, и, вспомнив о нежной Лю Юэ, стиснул зубы и взял телефон.

Стоя у двери, Бай Хаожань через щель слушал, как в кабинете начался ожидаемый разговор. Его лицо застыло, а затем он крепко сжал кулаки, будто на что-то решившись. Лэн Цзюньчжэ, продолжавший наблюдать за экраном, заметил, как в глазах юноши вспыхнул огонёк, и судорожно сжал свободную руку. В конце концов, он буркнул пару слов и повесил трубку.

Бросив взгляд на тень, упавшую от щели в двери, Лэн Цзюньчжэ холодно произнёс:

— Заходи.

— Д-да, — Бай Хаожань, пойманный с поличным, засуетился и с виноватым видом вошёл внутрь. Всё это изначально было лишь заговором, поэтому у Лэн Цзюньчжэ не было важных дел — он лишь сказал, что уезжает на месяц, и наказал ему хорошо заботиться о себе.

Бай Хаожань, конечно, знал, зачем тот уезжает — не иначе как чтобы создать для него возможность. В душе он презрительно хмыкнул, но на лице изобразил разочарование.

В глазах Лэн Цзюньчжэ мелькнуло что-то сложное. Глядя на непроизвольно надутые губы юноши, он внезапно для самого себя подошёл ближе и, наклонившись, потянулся к его губам.

Видя перед собой красивое лицо этого человека, Бай Хаожань до боли захотел врезать ему. Но он знал, что нельзя. Он видел каждое изменение в лице мужчины и прекрасно понимал, что у того на душе. С видом, полным ожидания и стыда, он спросил:

— Хозяин, вы любите меня?

Лэн Цзюньчжэ замер. Глядя на лицо, оказавшееся так близко, он с улыбкой коснулся его щеки и нежно произнёс:

— Люблю.

Он никогда не знал, что такое любовь. К Лю Юэ он испытывал лишь особую симпатию, над которой никогда всерьёз не задумывался. Но сейчас, глядя на этого юношу, в глазах которого отражался лишь он один, он неожиданно заколебался.

Из-за того, что мысли его спутались, Лэн Цзюньчжэ вскоре ушёл. Как только его машина скрылась из виду, Бай Хаожань запер дверь и направился в мастерскую. Изначально эта мастерская была построена для Лю Юэ, но теперь она досталась Бай Хаожаню.

Лю Юэ была настоящим модельером: участвовала в многочисленных конкурсах дизайна одежды, получала награды, да и в университете училась именно на дизайнера. Бай Хаожань же, последовав за Лэн Цзюньчжэ, выбрал факультет бизнеса.

По словам Лэн Цзюньчжэ, после выпуска он мог бы стать его помощником, но на самом деле тот лишь хотел посмеяться над ним, ведь у Бай Хаожаня всегда были проблемы с учёбой — не только из-за болезни отца, но и из-за постоянных разборок с кредиторами.

В мастерской, помимо мольбертов, стояло несколько манекенов — полуростовых и полноразмерных. У панорамного окна лежали рулоны тканей самых разных цветов и всевозможные материалы, необходимые для дизайна. Для такого плейбоя, как Лэн Цзюньчжэ, обеспечить всё это было лишь вопросом одного щелчка пальцев.

Через скрытый монитор Бай Хаожань узнал, что в следующем месяце в стране Z пройдёт неделя высокой моды. Это был лучший шанс проявить себя. Преподаватели факультета дизайна также разослали оповещения, призывая студентов активнее участвовать: говорили, что туда приедут мэтры мировой моды. Даже если не удастся победить, это был прекрасный способ набраться опыта.

Разумеется, чтобы поехать в страну Z, нужно было пройти предварительный отбор, а срок подачи заявок истекал послезавтра. Бай Хаожань обязан был разработать эскиз сегодня, чтобы заложить фундамент для заявки.

Не каждый мог попасть на такое мероприятие: конкуренция начиналась ещё на этапе отбора. Если бы у него не было готовой работы, рисовать на месте потребовало бы времени. Конечно, для него это было проще простого, но он опасался привлечь лишнее внимание.